

... ПРОЛОГ ...

— **О**на будет жить, — глухим надтреснутым голосом произнес седовласый шаман, сгорбившись на краю узкой деревянной кровати, в которой неподвижно лежала девушка.

Глубокие морщины изрезали его лицо, сделав похожим на кору старого кряжистого дуба. В длинных прядях виднелись многочисленные косички, перевитые перьями, украшенные бусинами и разноцветными нитками. На его плечах поверх льняной рубахи с вышивкой по вороту лежала накидка, расшитая теми же перьями, косточками, бубенцами, сушеными веточками и прочими причудливыми и странными предметами. Рядом, аккуратно прислоненный к изголовью кровати, стоял посох, отполированный до блеска множеством прикосновений крепких узловатых пальцев шамана.

— Но?.. — так же глухо отозвался второй мужчина, высокий плечистый воин с суровым обветренным лицом и острым взглядом темных глаз.

Его ладонь судорожно сжала рукоять меча, обмотанную потертой замшей, — видно было, что

оружие не лежало в ножнах без дела. Мужчина подался чуть вперед, напряженно глядя на шамана.

— Но ей придется остаться здесь, на перевале, — продолжил старик и поднял голову, встретив взгляд воина. — Твоя дочь больше не сможет долго находиться вдали от него.

Лицо воина побледнело, он нервно облизал губы.

— К-как?.. — каркнул хрипло.

— Я отдал ей свои силы, — шаман снова посмотрел на девушку, — и мои духи теперь с ней. Мне пришла пора уходить. — Он неслышно вздохнул, однако в словах его не слышалось страха, лишь усталость и капелька облегчения. — Я научу ее всему, а после она останется здесь.

— Н-но стражи всегда были шаманами... — растерянно отозвался воин, в его взгляде мелькнула тоска. — И никогда женщинами.

Старик кивнул.

— Да, и в ней теперь моя сила, мои духи. — Голос его окреп. — Ты сможешь приехать к ней, но она останется здесь, на перевале, — повторил шаман.

Воин помолчал, разом постарев на несколько лет, длинно, тяжело вздохнул.

— Сколько еще она будет спать? — тихо спросил.

— Ула очнется через три дня, — последовал ответ.

— Хорошо, — воин кивнул, — я уеду через три дня. — И, не прощаясь, вышел из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Шаман перевел взгляд на девушку. Размеренное дыхание поднимало лоскутное одеяло на ее груди,

когда-то темные, а сейчас щедро разбавленные ранней сединой волосы заплетены в две аккуратные косы. Они лежали поверх одеяла, как и руки с узкими ладонями и длинными пальцами. Шаман накрыл их своей рукой и прошептал:

— Спи, девочка, набирайся сил. Они тебе понадобятся.

Жаль, он не увидит, как закроется перевал. Но его дух станет свидетелем этого знаменательного события.

... ГЛАВА 1 ...

Три года спустя

Из тумана скалились рожи, беззвучно разваливали зубастые пасти, перетекали из одной в другую. А туман стремительно накатывался из узкого ущелья, будто прорубленного огромных размеров мечом. А она совсем ничего не могла поделаться. Из тела ушла вся сила, впиталась в защитные знаки. Они ослепительно горели на земле, но не могли больше сдерживать лавину духов. Ула задыхалась, тщиалась наскрести хоть каплю, однако во рту ощущался металлический привкус крови, а тело едва шевелилось от слабости. «Я страж! Я должна!..» — билась в голове одинокая мысль, и девушка побелевшими пальцами сжимала тускло светившееся копьё, лишь изредка ронявшее несколько быстро гаснущих искр. А туман приближался, темнея с каждым мгновением, превращаясь в грозовую потустороннюю тучу. Она могла лишь смотреть, с отчаянием понимая, что не сдержит в этот раз, не защитит людей, не отстоит Сумеречный перевал...

С колотящимся сердцем и сбитым дыханием Ула резко села на кровати. В горле пересохло, по телу волнами гуляла холодная дрожь. Она обхватила себя руками, наклонившись вперед, и мрачно смотрела, как под кожей зловеще мерцают багровым проклятые знаки. Снова этот кошмар, который раз за последние две недели. Станный, непонятный, без начала и конца. После него на душе было муторно, и Ула до самого вечера сидела напротив ущелья, пристально вглядываясь в клубящийся туман. Он оставался подозрительно спокоен уже целый месяц, и это тоже настораживало. Обычно духи с той стороны пробовали границу на прочность с регулярностью один-два раза в тридцать дней. Но не сейчас.

Знаки под кожей начали тускнеть, и Ула длинно выдохнула, постепенно расслабляя напряженные мышцы. Небо за окном едва порозовело, и над вершинами гор уже показался золотистый край солнца. Что ж, спать дальше она точно не сможет, значит, пора вставать. Откинув одеяло, стражница упругим движением поднялась с деревянной кровати и как была — босиком и в длинной сорочке из тонкого льна — направилась во двор. Свежий утренний воздух бодрил, и остатки сонливости как рукой сняло. Ула зашла в стоявшую отдельно умывальню. Холодная вода еще со времен проживания в пограничной крепости не являлась чем-то неприятным для стражницы, и она быстро сполоснулась, отфыркиваясь и энергично растираясь мочалкой, смывая противный липкий пот после ночного кошмара.

Приведя себя в порядок и облачившись в рубаху из коричневого льна и плотные штаны, Ула проделала привычный тренировочный комплекс, разогревшись, и занялась завтраком. Все это время из головы не выходили мысли о кошмаре, и решение пришло само. Похоже, пора навестить уважаемого Шаари, только он мог подсказать, что означают ее сны. И означают ли вообще что-то, или они просто отголоски случившегося с ней три года назад.

Застегнув перевязь с мечом и набросив на плечи теплый шерстяной плащ — несмотря на солнце, ветерок дул прохладный, заставляя ежиться, — Ула чуть отошла от дома и громко свистнула. Из-за деревьев легкой рысью выбежал тонконогий, с густой гривой, заплетенной в косички, красивый конь гнедой масти. Остановился рядом со стражницей, положил голову ей на плечо, тихонько фыркнул на ухо, обдав теплым дыханием, и Ула улыбнулась, хлопав его по шее.

— Привет, хороший мой, — поздоровалась тихо. — Поедем проветримся?

Всадница двинулась по едва заметной тропинке, уводившей прочь от солнечной поляны, где расположилось ее нехитрое хозяйство. До хижины шамана примерно пара часов езды, он жил в соседней с перевалом долине — самое близкое к ней жилье, до деревни пришлось бы добираться полдня, не меньше. Пустив коня рысью, Ула подставила лицо ласковым лучам солнца, вдыхая полной грудью свежий, наполненный ароматами цветов и хвои

воздух. Мимо проплывали небольшие рощицы, под копыта стелились разнотравные луга, плавно уходили вверх холмы предгорий, одетые в темно-зеленый бархат лесов. Кое-где виднелись ниточки горных речушек и пенные вуали водопадов.

Поездка помогла окончательно справиться с отголосками ночного кошмара — природа Улу всегда успокаивала. Стражница любила бродить босиком по траве, чувствуя влагу росы, купаться в реках и озерах, не обращая внимания на то, какой холодной была вода, даже просто постоять, прислонившись к дереву и слушая шелест листьев и крики птиц, — все это помогало вернуть душевное равновесие. Главное, не смотреть слишком часто в сторону длинной узкой расщелины, прекрасно видной с пригорка, где стоял дом Улы. Расщелины, затянутой плотным темно-серым туманом, который никогда не рассеивался. Граница между миром живых и миром духов, ее и охраняла стражница.

Шаман, к радости, оказался дома. Когда Ула выехала к хижине, он сидел на улице и споро чистил рыбу, и чешуя сверкающими искрами разлеталась вокруг, усеивая траву. Тут же сидел здоровенный лесной кот с порванным ухом и обрубком хвоста — верный спутник Шаари, прибившийся к нему еще котенком, когда его мать убили пришедшие охотники.

Ула спешила, почтительно поклонилась.

— Ясного дня, почтенный, — поздоровалась негромко.

Шаари, не прекращая занятия, бросил на нее быстрый взгляд и кивнул. Он был относительно молод для шамана, годы еще не успели прочертить глубокие морщины на его лице, однако во взгляде уже появилась та особая глубина, присущая таким, как Шаари. Простую рубаху из небеленого льна украшала только вышивка по горловине и низу, на ремне висели ножны для кинжала, а сам нож лежал на деревянном столе рядом с почищенной и выпотрошенной рыбой.

— Ула, — низким хриловатым голосом коротко произнес Шаари, — садись, как раз похлебка готовится.

Над огнем булькал котелок, и над поляной плыл аромат трав и специй от бульона. Шаари никогда не приступал к серьезной беседе без подготовки — сначала сытная еда. Сегодня вот похлебка. Каким образом шаман узнавал, что она скоро появится, Ула понятия не имела и не спрашивала. Наверное, духи предупреждали. Стражница скинула плащ прямо на траву и присела за стол, набравшись терпения. Шаари никогда не просил помочь, все делал сам: готовил, накрывал на стол, ухаживал за гостьей. И это тоже был своеобразный ритуал, который следовало соблюдать. Здесь, в горном княжестве, защищавшем мягкое подбрюшье остального королевства от степных кочевников и сумеречных духов, таких ритуалов имелось великое множество. И почти все совершались не просто так...

Уха оказалась наваристой, вкусной. Успев проглотиться, пока ехала, Ула с удовольствием выхле-

бала все до капли, заела моченой ягодой и запила прохладным морсом. Шаари так же молча убрал посуду со стола, вернулся и коротко бросил:

— Идем.

А вот теперь пришло время серьезного разговора, и Ула молча последовала за шаманом в его хижину. Внутри было всего одно помещение, просторное, вкусно пахнувшее травами. В углу — печка, рядом кровать с наброшенной шкурой вместо покрывала, у окна — стол, два стула, вдоль другой стены — длинный рабочий стеллаж, сколоченный из досок. Везде развешаны сухие пучки трав, странные амулеты из перьев, костей, оплетенных камушков, большой круглый бубен над кроватью и — накидка. Как и у всех шаманов, с причудливой вышивкой, теми же многочисленными амулетами, с бахромой из ленточек и кожаных шнурков с замысловатыми узелками. Шаари опустился на стул, опершись на столешницу локтем, и внимательно посмотрел на Улу.

— Рассказывай, — произнес как всегда немногословно.

— Сны мне снятся, почтенный, — глухо отозвалась стражница, заняв второй стул, и обвела помещение рассеянным взглядом. — Странные и пугающие. Вот уже несколько недель. Что я не могу сдержать тварей с перевала. Даже печати не помогают, и силы заканчиваются.

Шаари помолчал, не сводя с нее блестевших в полумраке хижины глаз.

— А сам перевал? — уточнил он.

— Спокоен. — Ула нахмурилась. — Странно спокоен, никаких всплесков вот уже почти месяц.

Шаман еще помолчал, потом поднялся и взял со стеллажа кожаный мешочек и деревянное блюдо. Снял со стенки какой-то пучок, ловко подпалил его, чиркнув кресалом, и по хижине поплыл горьковато-пряный дымок. Шаари вернулся за стол, встряхнул мешочек и высыпал его содержимое в посудину. Снова камушки, разноцветные, в узорах, костяные руны, бусины — они разлетелись по блюду в причудливом порядке. Шаман беззвучно зашевелил губами, его взгляд стал отсутствующим, даже у стражницы слегка заломило в висках, и хижина поплыла перед глазами. Шаари бросил горсть песка из стоявшего на столе ящика, кустистые брови сдвинулись.

— Духи волнуются, — заговорил он скрипучим низким голосом, слегка раскачиваясь. — Неспкойно им... Что-то грядет... — Ула замерла, не сводя с него взгляда, не заметив, что вцепилась в рукоятку меча. — Жди знаков, стражница... Жди знаков...

— Каких? — спросила она тихо-тихо, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Но Шаари моргнул, потряхнул головой, и взор его прояснился. Ула чуть не застонала от разочарования, однако сдержалась: предсказания — вещь тонкая, духи предков далеко не всегда могут четко передать ощущения, будущее слишком зыбко для чего-то определенного.